

Е. РУБИНОВА

ЗАПИСЬ А. С. ПУШКИНА ПРИ ЧТЕНИИ

«ПУТЕВЫХ КАРТИН» Г. ГЕЙНЕ

27-го апреля 1835 года граф Фикельмон послал А. С. Пушкину два тома французского издания сочинений Гейне (2-й и 3-й, куда входили «Путевые картины») со следующим письмецом по-французски:

«Вот два тома контрабанды, которые граф Фикельмон имеет удовольствие предложить господину Пушкину и которые он просит не отказать принять как визитную карточку при прощании».*

То, что граф Фикельмон, родственник Е. М. Хитрово, большой приятельницы Пушкина, по воспоминаниям современников, человек образованный и поклонник таланта великого русского поэта, посылает ему сочинения Гейне, само по себе интересно и в какой-то степени показательно. Нет сомнения, что Фикельмон не послал бы на память Пушкину случайных книг и рассчитывал, что подарок его будет приятен и заинтересует поэта. Трудно сказать, был ли подарок вызван каким-нибудь разговором об этих книгах и упоминалось ли раньше в кругу друзей Пушкина имя Гейне. Документов, с точностью подтверждающих подобное предположение, у нас нет. Но основания для предположений есть безусловно. Ряд людей, находившихся в непосредственном общении с Пушкиным, интересовались Генрихом Гейне. В конце декабря 1835 года А. О. Смирнова пишет в письме к Вяземскому из Берлина: «...Скажите Пушкину, что он мог бы написать мне хоть словечко в стихах, поскольку ему это гораздо удобнее. Я читаю Гейне. Скажите об этом Пушкину».*

Слова эти производят впечатление продолжения какого-то разговора.

* А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, изд. Академии наук СССР., 1949 г., т. 16, стр. 22.

Интересно, что Фикельмон пишет о книгах Гейне, как о «контрабанде». Произведения Гейне находились под запретом царской цензуры. Австрийский посланник, граф Фикельмон, не мог не знать и об официальном отношении к Гейне в Германии (произведения Гейне и писателей «Молодой Германии» вскоре были запрещены решением Союзного Сейма). Знала обо всех этих обстоятельствах находившаяся в Берлине А. О. Смирнова.

В библиотеке Пушкина были оба тома журнала «Европеец»; есть все основания предполагать, что Пушкину были известны стрывки из произведений Гейне, печатавшиеся и в других журналах. В библиотеке Пушкина были почти все номера «Телескопа» за различные годы (некоторых недостает, но согласно предположению Б. Модзалевского, как и другие книги, они могли быть утеряны). В десятой книжке журнала за 1836 год разрезаны стр. 139—168, где была, по-видимому, заинтересовавшая Пушкина статья о «Гофмане» Искандера. На первых же двух страницах там фигурирует имя Гейне и о нем буквально сказано: «По большей части сочинители, жившие до 1813 года, воображали, что все земное слишком низко для них, и жили в облаках, но это им не прошло даром. Теперь, когда вся Германия проснулась при громе Лейпцигской битвы, явилось новое поколение, более земное, более национальное. Теперь Гейне бичует своим ядовитым пером направо и налево старое поколение, которое разобщило себя с родиной—прошлую эпоху, которая так колоссально, так величественно окончилась в Веймаре 22 марта 1832 года».**

Но Пушкин знал имя Гейне не по отзывам и не по отрывочным изданиям. В библиотеке А. С. Пушкина было шесть томов сочинений Гейне на французском языке (*Oeuvres de Henri Heine. Paris*) 1834—1835 гг., т.т. II, III, V и VI, и два тома отдельно.

Во втором томе издания, находившегося в библиотеке, была найдена запись, сделанная рукою Пушкина (по-французски):

* Там же, стр. 38. Можно было бы сослаться на воспоминания А. О. Смирновой-Россет, если бы подлинность ее записок не подвергалась сомнению исследователей. Смирнова-Россет А. О. Автобиография, под редакцией Д. Д. Благого. Москва, «Мир», 1931 г.

Об интересе А. С. Пушкина к Г. Гейне см. также А. Левинтон «Генрих Гейне. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке», Москва, 1958 г.

** А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах, Москва, 1954 г., т. I, стр. 60.

«Освобождение Европы придет из России, так как только там предрассудок аристократии не существует вовсе. В других местах верят в аристократию. Одни, чтобы презирать ее, другие, чтобы ненавидеть, третьи, чтобы извлекать из нее выгоды, поощрения и тому подобное. В России ничего подобного. В нее не верят — вот и все» (La liberation de L'Europe viendra de la Russie, car c'est lá seulement que le préjugé de l'Aristocratie n'existe absolument pas. Ailleur ont croit á l'Aristocratie, les uns pour la dédaigner, les autres pour la haír, les troisémes, pour en tirer profit, vanité etc. — En Russie rien de tout cela. On n'y croit pas, voila tout).*

Эта выписка сделана на кусочке почтовой бумаги, оторванном от письма; на нем сохранилась надпись: «22-го апреля 1835 г. Высокоблагородию А. С. Пушкину». Исследователи не установили, когда была сделана запись. Подарены книги были в конце апреля. Тогда же читал их Пушкин или позже — сказать трудно.

Публикуя впервые эту запись Пушкина, В. Модзалевский писал: «Между стр. 162 — 163 того же тома, (где была записка графа Фикельмона — Е. Р.) вложена следующая выписка из Гейне, сделанная рукою Пушкина...»**. Таким образом, Модзалевский считал приведенные слова принадлежащими Гейне. Дальнейшие исследования показали, что слова эти принадлежат не Гейне, а Пушкину и являются не цитатой, а отрывком на Гейне. Это мнение высказал М. А. Цявловский, публикуя приведенную запись в книге «Рукою Пушкина»***. Профессор Цявловский высказывает предположение, что так как во французском издании, находившемся в распоряжении Пушкина, нет текста, по поводу которого Пушкин мог бы написать свою заметку, то, по-видимому, он читал оригинальное немецкое издание, заинтересовавшись содержанием прочитанных произведений, и специально нашел более полный немецкий текст. М. А. Цявловский считает, что заметка Пушкина должна была быть вызвана такими замечаниями, которые непосредственно относились к России. Он приводит строки из «Путешествия из Мюнхена в Геную» (гл. XXX) и из книги «Город Лукка» (гл. XIV); «...благодаря удивительным переменам в лозунгах и сре-

* «Рукою Пушкина». Academia, М—Л., 1935 г., стр. 211.

** Библиотека Пушкина («Из публикации» «Пушкин и его современники», Материалы и исследования).

*** «Рукою Пушкина», стр. 211.

ди представителей великой борьбы, обстоятельства сложились так, что самый горячий приверженец революции в победе России видел благо всего мира, а в лице императора Николая должен видеть знаменосца свободы...» И до слов «так как Россия занимает почти одну шестую населения земли». В другом месте: «...я ненавижу не трон, а лишь изменчивых дворянских гадов».

Это отрывки, которые, по мнению Цявловского, где-то прочитал Пушкин. Однако, предположение исследователя представляется мало убедительным. Можно думать, что те книги Гейне, которые были в распоряжении Пушкина, давали достаточно материала для размышлений, занесенных на бумагу. Во французском издании, действительно, нет главы XXX, где есть приведенные выше слова, но если считать, что какие-то определенные слова вызвали запись Пушкина, то можно привести строки из главы XXXI, сохранившейся во французских книгах:

«Я за русских», сказал я на поле битвы при Маренго и вышел на несколько минут из кареты, чтобы предаться угреннему молитвенному созерцанию...

«Будет прекрасный день!» — крикнул мой спутник из кареты. Да, будет прекрасный день, тихо повторило мое молящееся сердце и задрожало от тоски и радости. Да, будет прекрасный день, солнце свободы согреет землю лучше, чем вся аристократия звезд; (...) свободно рожденный человек принесет с собой свободные мысли и чувства, о которых мы, прирожденные рабы, не имеем никакого понятия — о, они столь же мало будут понимать, как ужасна была ночь, во мраке которой должны были мы жить, как страшна была наша борьба с безобразными призраками, мрачными совами и ханжествующими грешниками».. и т. д. Именно эта глава кончалась известными словами: «Право, не знаю, заслуживаю ли я того, чтобы гроб мой украсили когда-нибудь лавровым венком. (...) Но меч вы должны возложить на мою могилу, ибо я был храбрым солдатом в войне за освобождение человечества!»*

Следовательно, есть все основания считать, что во французском тексте были фразы, которые могли вызвать замечания Пушкина.

Предположение профессора Цявловского представляется несколько громоздким и, главное, не совсем убедительным по следующим соображениям.

Если допустить, что Пушкин искал немецкое издание, прочел эти строки, то и тогда его запись лишь с натяжкой может быть принята за отзыв на слова Гейне. Если внимательно вчи-

* Г. Гейне, Полное собрание сочинений, Москва, 1938 г., т. 4, стр. 342—343.

таться в строки, написанные Пушкиным, и приведенную выдержку из гейневских *Reisebilder*, нетрудно заметить, что несмотря на кажущееся сходство выражений, речь идет о разных вещах. В приведенном отрывке у Гейне речь идет, главным образом, о троне и, в частности, о монархии Николая I, которого поэт относит в эту пору чуть ли ни к «знаменосцам свободы». Трудно сказать — вытекало ли это заявление из нечеткости политических взглядов поэта, или это была уступка идеалам Тютчева, с которым Гейне близко сошелся в ту пору, когда он писал последние из своих «Путевых картин». Возможно, что и то и другое. Однако, эти слова отнюдь не составляют главного смысла всей книги. Смысл книги в ее антидворянской и антиклерикальной направленности. Вот это и должен был прочитать Пушкин.

«*Reisebilder*» своим подтекстом имеет вопросы сословного неравенства и буржуазной революции. В обычных для Гейне шутках и серьезных отступлениях и замечаниях он обращается к этим вопросам: даже классификация цветов раздражает поэта «как деление на касты»; он вспоминает о ганноверском дворянстве и дворянской спеси, о народах, обладающих «талантом свободы», о тех, кто прикрывает «собственное ничтожество за слугами предков», о том, как гордились бы своей родословной потомки Терсита, если бы не было «Илиады» и сохранились бы только имена тех, кто был под Троей и т. д.

Естественно предположить, что Пушкин прочитал предисловие Гейне к 1 тому того же французского издания, где между прочим, есть и следующие строки:

«Книга эта, за исключением нескольких страниц, написана до Июльской революции. В эти годы политический гнет установил в Германии всеобщее глухое безмолвие, умы впали в летаргию отчаяния, и человек, все же осмелившийся заговорить, вынужден был высказаться с тем большей страстностью, чем более он отчаялся в победе свободы и чем яростнее партия духовенства и аристократии неистовствовала против него.

Я употребляю эти выражения «духовенство» и «аристократия» по привычке, так как в ту пору всегда пользовался этими словами, когда в одиночестве вел эту полемику с поборниками прошлого. Эти слова были тогда понятны всем, и я, должен сознаться, жил тогда терминологией 1789 года и орудовал большим выбором тирад против клириков и дворянства, или, как я их называл, против духовенства и аристократии:

На самом деле под словом «аристократия» я понимаю те-

перь не только родовую знать, но всех, кто как бы он ни назывался, живет за счет народа».*

Приведенная выше французская запись Пушкина может быть соотнесена с этими или подобными мыслями Гейне о судьбах революционного движения в Европе.

Действительно, проблемы освободительного движения, проблемы революции занимали Пушкина в 30-е годы не меньше, чем в период непосредственной близости с декабристами. Об этом свидетельствует и его интерес к Пугачеву и произведения этих лет.

Пушкина очень волновала и интересовала проблема дворянства, мысль о судьбе и роли дворянства в революции.

В конце декабря 1834 года Пушкин записал свой разговор с великим князем, где есть и такие слова: «Что касается *de tiers etat*, что же значит наше старинное дворянство с имениями, уничтоженными бесконечным раздроблением, с просвещением, с ненавистью противу аристокрации и со всеми притязаниями на власть и богатства? Этакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто был на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько же их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а, кажется, много».**

Эти слова свидетельствуют о том, что для Пушкина, связанного с движением дворянских революционеров в 30-е годы, когда декабризм совсем еще не был историей, для него дворянство не было синонимом реакции, не могло быть категорией диаметрально противопоставленной понятию «революция», как это было для Гейне. Повидимому, в этой особенности видел Пушкин даже известные преимущества России, чем и объясняется тон его записи, как некоторого противопоставления.

Заметка Пушкина не ответ на какие-то определенные слова Гейне, сказанные именно о России, а размышления, вызванные книгой революционного направления.

* Там же, стр. 607.

** А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, М.—Л., 1949 г. т. 8, стр. 60.